

Томас Манн

Мысли о войне

Через год.

Спустя год после начала войны делается очевидным, что Германия уже одержала духовную победу, хотя исход борьбы еще не решен оружием, и что ее враги чувствуют себя идейно обезоруженными — прежде чем это произойдет в физическом смысле. Их боевой лозунг сменился, он звучит уже не как «Война милитаризму!», — теперь он звучит уже: «Немецкий пример!», «Мы должны подражать Германии!», «Организация!!!» В борьбе с Германией они стали значительно серьезнее, они настойчиво и не без смущения указывают один другому на «серьезность положения», они теперь уже хотели бы отрешиться от либерально-индивидуалистической расхлябанности, хотели бы организовать, милитаризоваться, короче — приобрести немецкие качества, чтобы справиться с серьезностью ситуации. Но почему и зачем они в таком случае еще сражаются? Уже становится ясно, что победа и будущее принадлежит немецкой ориентации, немецкой государственной идее и культурной форме, одним словом: «милитаризму», а не «цивилизации», не манчестерству^[1] и «бессмертным принципам»^[2]; становится ясно, что в надежде победить они вынуждены позаимствовать идею у врага — в той мере, в какой они еще к этому способны, — и попытаться обратить ее против врага. Но какой же тогда смысл сражаться? Будет ли тогда и сама победа наделена смыслом? Даже если бы им удалось физически одолеть Германию, мир после этой войны стал бы выглядеть по-немецки. Только смятение, только отчаяние продолжает спор, если оно на самом деле уже обращено в другую веру. Только злая воля сохраняет упрямство после того, как она опровергнута. Воля старых империй, желающих соединенными силами сдерживать и задушить самую современную, отмеченную историческим призванием державу Европы, была исторической виной уже тогда, когда эта их воля была слепой и неразумной. Сегодня, когда они узрели и поняли, эта воля есть преступление.

«Мы должны победить».

Немецкий лозунг в начале войны: «Мы должны победить!», обладал двойным смыслом. Он возглашал, с радостным фатализмом: «Наша победа неминуема, потому что дух истории с нами». Но в то же время он возглашал, в глубоком ужасе: «Наша победа — самая горькая необходимость, ибо то, что произойдет в случае, если мы *не* победим, нельзя себе и представить!» Мысль о кольцевом окружении и вторжении в Германию русских, французов, англичан (с их азиатскими и африканскими вспомогательными войсками) для духовного

настрою того, прежнего мира выглядела столь ужасной, что из страха и отчаянной решимости рождался общий клич: «Только не это!» Понятия, какие, благодаря обезумевшей пропаганде, имел о нас мир, дикая убежденность европейской общественности, что Германия должна быть стерта с лица земли, могли бы произвести все, что можно и что нельзя себе вообразить, — а когда мир немного одумался бы, стало бы уже слишком поздно. Однако историку, который будет пытаться вообразить себе то, что довелось бы испытать Германии, окажись она менее сильной, не следует забывать о том, что все-таки *пережила* Германия, причем в душевном смысле. Потому что это превышало все, что когда-либо обрушивалось на какой-либо народ. Никогда за всю историю ни один народ не поносили и не оскорбляли так, как этот. Никогда прежде не видано было, чтобы какой-то один народ должен был, казалось бы, сломиться и исчезнуть под ненавистью, яростью, презрением целого мира; чтобы ему, казалось бы, не осталось никакой другой участи. Разве кто-то из глядящих со стороны удосужился перенестись в душу культурного народа, который считал себя принадлежащим к единству человечества со всеми его высочайшими ценностями и понятиями и который, в один ужасный день, подвергается всеобщему освистанию как *враг* человечества? Это человечество, которое — как вдруг стало нам казаться — состоит из сенегальских негров^[3] да журналистов Хармсвортов^[4], было совершенно убеждено, что наше падение должно было стать условием их благополучия. Оно было убеждено, что оно право, а мы не правы, — в то время как в нашей душе пылало горячее чувство *нашей* правоты. Пылало и жгло так, как иногда жжет *сомнение*? Поистине, противостоять подавляющему превосходству чьей-то уверенности в том, будто все права на его стороне, требует даже большего самообладания, чем вооруженный отпор численно превосходящей силе войск! Неужели один может быть прав против всех? Или, может быть, право — это всего-навсего претензия на власть, заявляемая большинством голосов, то есть нечто такое, что *большинством* ощущается как право? Давайте признаем сегодня, что в какие-то мгновения нам становилось жутко; что у нас не во всякий час доставало эгоистической неколебимости и толстокожести, которые необходимы, чтобы оказать сопротивление такому напору общих эмоций, каким был тот напор. Ведь наш народ не бесчувственный олух, которого ничуть не трогает ненависть народов-братьев и который ни минуты не страдал бы под этим бременем. Пожалуй, окажись на нашем месте Англия, она — в душевном плане — могла бы лучше справиться с таким положением! Но подумаем о том, что всю тяжесть этого напора эмоций суждено было изведать народу, чьи усилия не были исходно направлены ни на какое насильственное политическое вмешательство, а были направлены на моральные вопросы, народу философскому — не в энциклопедически-просветительском смысле слова, а в смысле более проблематичном, духовном, созерцательном, то есть в таком смысле, какой намного опаснее

для деятельной воли... Гамлетовскому народу, ^[5] который его учителя перевоспитали в Фортинбраса, но который всегда сохранял и будет сохранять многое от гамлетовской души; народу моралистическому, а потому скептическому, а потому скромному, недолюбливающему всякие громкие слова; духовно нерешительному народу; народу, преданному справедливости и желающему видеть вещи всесторонне... Понятно, что он должен был *страдать* под таким бременем, страдать больше, чем страдал бы на его месте любой другой. Целый народ, который должен был приучиться к тому, чтобы чувствовать себя авантюристом, нарушителем права, искусителем судьбы, приучиться к ноше одиночества, какая в индивидуальной жизни выпадает лишь на долю гения или преступника. Разве такое приходилось изведать кому-то прежде? Немецкий народ должен был сказать себе, что если враги его одолеют, то глумлению и ликованию всего мира не будет предела; что в таком случае с ним не только никто не обойдется по справедливости, но даже окажется, что он в самом деле был не прав. «Мы должны победить» — слово радостное, но в то же время исполненное величайшей горечи и тоски, слово не менее горькое и унылое, чем то, что было когда-то брошено королем Фридрихом^[6]: «Что же нам остается делать? Мы обязаны добиться успеха».

Свобода духа.

Говорить, что «право на стороне Германии», кажется некоторым моим землякам чем-то низменным; они находят, что это бездуховно и недостойно свободного ума. «Взгляните на Англию!» — говорят они. «Вот у них есть независимость, протест, они свободны от националистического угара. У них есть объективность, есть даже такие англичане, которые признают за Германией правоту». Ну и что с того? Что из этого следует? Что мы, со своей стороны, если уж мы так настаиваем на свободе духа, должны не согласиться с этими английскими протестующими, заступниками Германии? Но что, если эти люди все-таки правы? Мы не отрицаем того, что им досталась в духовном отношении благодарная роль. В самом деле, не только для сердца немецкого патриота, но и для всякого, кто дорожит смелой независимостью духа и уважает ее, нет ничего отраднее, чем, например, письмо, адресованное английским колониальным политиком Моуэлом^[7] в еженедельник «The Statesman», где он с большой ясностью и остроумием отстаивает правоту немцев наперекор английской самоуверенности, английской чванливому желанию опекать всех и вся. Нет ничего отраднее и достойнее уважения. Предположим, однако, что какая-то причудливая логика будет уверять: нам (если мы хоть во что-то себя ставим) хоть и позволено восхищаться этим мужественным и честным человеком, однако полагается — чтобы не отстать от него по части свободы духа — уличить его во лжи и, с нашей стороны, храбро оспорить правоту Германии. Думаю, здесь лучше вспомнить о том, что нельзя пытаться быть

объективнее, чем сама истина. Нетрудно увидеть, что та, обрисованная выше логика происходит из скептицизма, в духовном смысле не столь уж безукоризненно чистого: скептик готов признать правоту везде, в то же время не признает ее нигде и на этом основании немало мнит о себе самом, — но на фоне текущей войны подобный скептицизм начинает выглядеть душевно неряшливым. В действительности, перед лицом истории, перед волей судеб, перед силой необходимости существует как правда, так и неправда, — и эта война сделает явным и то, и другое. Если те англичане выражают свободу своего духа, сознавая неправоту их собственной страны, то и мы, неприметным образом, выражаем нашу свободу духа, когда без страха перед тем, что иной гурман презрительно скривит рот, уверенно признаем: *Право на стороне Германии.*

(пер. с нем. яз. и примеч. Г. Е. Потаповой)

Примечания

Переведено по изданию: Thomas Mann. Gedanken zum Kriege // Mann Th. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Hg. von Heinrich Detering [u.a.]. Bd. 15(1). Frankfurt a. M., 2002. S. 137–141.

Томас Манн (1875–1955) — немецкий писатель; до поражения Германии в Первой мировой войне был близок национально-консервативным идеям, однако к началу 1920-х годов, пережив глубокий кризис политических убеждений, обратился к ценностям парламентарной демократии. В своих сочинениях военных лет Томас Манн рассматривал войну — в ее духовном измерении — как противостояние «культуры» и «цивилизации». За этими понятиями скрывалось общее противопоставление одухотворенного народного единства и лишённого этой духовности, ориентированного на сугубо прагматические ценности существования западных стран. Размышления Манна направлены против «английского» либерализма и «французской» демократии как модели общественного устройства. Хотя одной из задач войны Томас Манн считает решительное сокрушение царской России как «полицейского государства», он неоднократно опирается на авторитет русской культуры (в частности, Достоевского) при обосновании исторической миссии Германии.

Настоящая статья, впервые переводимая на русский язык, была написана в июле 1915 г. и напечатана в первом августовском выпуске газеты «Frankfurter Zeitung» (Jg. 60. Nr. 211, 1. Aug. 1915 (1. Morgenblatt). S. 1). В письме к Эрнсту Бертраму от 2 августа Т. Манн упоминал, что, посылая статью в редакцию, обозначил ее просто как «Заметки», однако редактор предпочел более подходящее к газетной стилистике заглавие.

В этих заметках Манн развивает идеи, осенью 1914 г. высказанные им в более объемной статье «Мысли во время войны» («Gedanken im Kriege»; опубл. в журнале: Die Neue Rundschau. Jg. 25. 1914. November. S. 1471–1484), а также в книге «Размышления аполитичного» («Betrachtungen eines Unpolitischen», 1915–1918; см. рус. перевод: Манн Т. Размышления аполитичного / Пер. Е. Шукшиной. М., 2015).

В отличие от книжных публикаций Томаса Манна времени Первой мировой войны, его статьи военного времени больше не переиздавались при его жизни и были вновь собраны только в комментированных собраниях сочинений, начавших выходить с середины 1970-х годов. При подготовке настоящей публикации мы опирались на комментарий Германа Курцке в указанном выше издании: Thomas Mann. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Hg. von Heinrich Detering [u.a.]. Bd. 15(2). Frankfurt a. M., 2002. S. 54 (ср. там же его комментарий к статье «Мысли во время войны», S. 9–20).

[1] ...*манчестерству*... — Манн обозначает таким образом британский капитализм, по имени индустриального города Манчестер.

[2] «*бессмертным принципам*» — Имеются в виду принципы Великой французской революции и ведущей с нее свое начало буржуазно-либеральной традиции, то есть свобода, прогресс, права человека и т. д. Подробнее Манн пишет об этом в «Размышлениях аполитичного».

[3] ...*сенегальских негров*... — В заметке «В редакцию газеты „Svenska dagbladet“, Стокгольм» (1915) Манн приводит следующий пример вражды к немцам, посеянной антигерманской пропагандой союзников: «Охраняющий немецких пленных сенегальский негр, животное, у которого губы в подушку толщиной, проводит своей темной лапой по глотке и бурчит: „Надо бы их прикончить. Они варвары“» (Mann Th. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Bd. 15(1). Frankfurt a. M., 2002. S. 123).

[4] ...*журналистов Хармсвортов*... — Братья Хармсворты (Alfred Harmsworth, 1865–1922; Harold Harmsworth, 1868–1940) в Лондоне были основателями одного из наиболее влиятельных европейских концернов прессы, которому принадлежали в те годы в том числе газеты «Daily Mail», «Daily Mirror» «The Times».

[5] *Гамлетовскому народу*... — Рассуждения о «гамлетовском» характере Германии содержатся в комментариях А. В. Шлегеля к выполненному им немецкому переводу Шекспира (1799). Эта мысль была подхвачена и развита, например, в стихотворениях Альфреда Кнаппа (1842) и Фердинанда Фрейлиграта (1844) под одним и тем же заглавием «Германия — это Гамлет» («Deutschland ist Hamlet»). Т. Манн в данном пассаже имеет в виду, что народ, живущий прежде всего духовной и умственной жизнью (подобно нерешительному

принцу Гамлету), должен быть воспитан к тому, чтобы стать народом, способным к власти (Machtvolk). В этом контексте упомянуто также имя шекспировского Фортинбраса, обладающего прямым и цельным характером властителя-воина.

[6] ...*королем Фридрихом*... — Имеется в виду прусский король Фридрих II и Семилетняя война (1756-1763). Подробнее Манн развивает эти суждения в эссе «Фридрих и великая коалиция» («Friedrich und die große Koalition», 1915).

[7] *Моуэл* (Mowal) — это лицо, как и газетная заметка, привлечшая внимание Манна, комментаторами еще не обнаружены.